

ИГОРЬ КИСЕЛЁВ

ПЕРЕЦВЕТ: Стихи / Редактор Л. Глебова; оформление Г. Ефремова. – Кемеровское книжное издательство, 1966. – 96 с.

СОДЕРЖАНИЕ

1

«А вы? Вы любите дорогу?»

ТУЛИНКА

ДОМ НА РАЗЪЕЗДЕ

В ЛЕСУ

ЧЕТЫРЕ ДОЖДЯ

АПРЕЛЬ

ГРОЗА

УТРО

«К вершинам утро прикасалось...»

«ПОВОРОТЫ СВЕТА»

ОСЕНЬ

ПЕРЕЦВЕТ

2

«Когда горит и светится страница...»

«Не знаю, отчего...»

УДИВЛЕНИЕ

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

СКАЗКА

СТИХИ О НАТАШЕ РОСТОВОЙ СТАРИКИ

«Лепечет полуночная струя...»
«Кривотолки, кривотолки...»
«Ты теперь от меня далеко-далеко...»
«Не о любви...»

КОНЬ

«Ненавижу сочувствующих...»

СТИХИ О СЛОВАХ

ДОБРОТА

«Я должен стать самим собою...»
«Что такое со мной, что такое...»
«Любя и не любя...»
«Свет к закату...»

СУМЕРКИ

3

СТИХИ О КУЛУНДЕ

ЛОПУХИ

«Уходит день. Прилив еще не начат...»
«Здесь ветер с моря пахнет рыбой...»
«Ничто мне не радует взгляда ...»

4

ВСТРЕЧА С ПУШКИНЫМ

ПСКОВ

«Едва ли стало бы известно...»

СВЯТКИ

ОЛЕНЬКА

ГОВОРЯТ ДЕКАБРИСТЫ

«Непроезжими местами...»
«Тригорское в замети снежной...»

1

***

А вы?
Вы любите дорогу?
Не в душном поезде, не ту!
Не по шипящему гудрону
И не в молниеносном ТУ!
Такую —
Чтобы пахло мятой,
Дышали сыростью луга.
И в колее
От пыли мягкой
Тонула пыльная нога.
Гудят стволы, в зенит уставясь.
Спадает к вечеру жара.
И вот желанная усталость
Вас раскидала у костра.
И в дымке,
Реденькой и синей,
Над сонной свежестью ночной
Мерцает медленно и сильно
Звезда с кулак величиной!
Чуть слышно ветер пахнет мёдом.
Трава по пояс на пути.
А надо только встать с восходом,
Рюкзак и спички припасти...

ТУЛИНКА

Как тоненькая талинка —
На карте поди найди, —
Петляет моя Тулинка,
Закутанная в дожди.

Есть реки без дна и края,
Сердитая в них вода.
Швыряют они, играя,
Двухпалубные суда.

Красавицы.
Исполинки.
В них смотрятся города.
А в тихой моей Тулинке
На доньшке спит звезда.

В августовском тумане
Медленная волна
Холодом и сияньем
Высветлена до дна.

Голубая речка Тула!
Расскажи про свои дела!
Поворчи в камышах немного.
Я сегодня пришел к тебе,
Чтобы с берега, как с порога,
Вновь к бездомной шагнуть судьбе.

Счастья легкого не желая,
Я хочу, чтобы в путь всегда
Провожала меня живая,
Ключевая твоя вода!

ДОМ НА РАЗЪЕЗДЕ

Я жил на далеком разъезде лесном,
Стоящем над Бердью, студеной и сонной.
Деревья шумели под самым окном,
И все мне казалось, что старый наш дом
Фрегатом в закат уплывает бездонный.
Казалось, что дом этот был здесь в гостях,
Но якорь уж поднят, дорога открыта,
И ветер над крышей поет, как в снастях,
Негромко скрипит деревянный костяк,
Да хлопают старые ставни сердито.
Девчонка-березка пришла на причал,
С тревогой смотрела, как плыли в зарю мы,
— Вернитесь! — кричала.
Но ветер крепчал,
Он к новым опасностям мчал нас и мчал,
И тоненький скрип доносился из трюма.
Высокой водою стояла трава,
И звезды не переставали кружиться,
А мимо зелёные шли острова,

В которых смеялись и плакали птицы.
Потом всё стихало. Кончалась заря.
Поняв, что вечерняя песенка слета,
Корабль возвращался, трубою куря,
На том же пригорке бросал якоря
И тихо дремал, ожидая рассвета ...

В ЛЕСУ

Как дышится в лесу!
Как горлом льдинки льются!
Как будто пьёшь росу
Из блестящего блюда.

Слеза или хрусталь,
Следы насквозь промокли,
И даль в слезах,
И даль
Сквозь слезы — как в бинокле.

Как слышится в лесу!
Заполнив чащу с верхом,
Мчит эхо на весу
По веткам, как по вехам.

Далёкий скрип сосны
Доносится с опушки,
И жалобы кукушки
Прозрачны и ясны.

Как пишется в лесу!
Лес, приглушив гуденье,
С листа прогнав осу,
Дарует вдохновенье.

А луч позолотил —
И в просеках мелькнули
Обрывки паутин
Из хроники июля.

Как верится в лесу
В загаданное счастье!
Уйти в седьмом часу,
Оглядываясь часто.

Жаль: тени по лицу —
Некрепкая завеса...
Как хочется в лесу
Не уходить из леса!

ЧЕТЫРЕ ДОЖДЯ

Блеснут облака, на закат уходя.
Ударятся в землю четыре дождя.
Один из дождей,
Не без шика
Повиснув над синей водой,
Качнётся упругой кувшинкой
И звёздам подставит ладонь.

Зелёные вспыхнут мониста —
Десятки зелёных монист...
Второму дождю не лениться,
Пред зеленью падая ниц.

Кормить ему стадо коровье,
Где луг тишиною порос,
Стекать ему смуглой корою
Наполненных светом берёз.

А третий, навзрыд и навывлет
Свергаясь вблизи и вдали,
Себя и в неделю не выльет
В звенящий подойник земли.

Когда по низинам болотца
Залижут людскую тропу,
Он яблоком гулким нальётся
И ночью сорвётся в траву.

Последует осень
С досмотром:
Богат ли и крепок наш дом.
А как же с четвертым,
Четвертым,
Что станет с последним дождём?

Он в сумерках на землю рухнет,
Когда ни души на дворе,
Кончая веселые угли
В моем запоздалом костре...

АПРЕЛЬ

Месяц апрель — как дымок папиросный,
Как от далекого друга привет.
Снова мне снится дороги колёсной
В дальнюю даль убегающий след.

Хрупкими льдинками падая наземь,
В кружеве солнечной голубизны,
Он еще смутен, неясен, бессвязен,
Он — карандашный набросок весны.

Месяц апрель — это шелест и шорох,
Лужи и льдинки — вода и стекло,
Солнечный луч, заблудившийся в шторах.
Песня, которую в ночь унесло..

ГРОЗА

В поле сумрачном сначала
Свежий ветер скомкал рожь.
Туча глухо проворчала,
Что сейчас начнётся дождь.

На минуту стало тише.
Только там, где сельсовет,
Гулко хлопал флаг над крышей,
Излучая красный свет.

Вдруг, как будто негодую,
Споря с летнею листвой,
По стеклу косые струи
Застучали вперебой!

Молний желтыми штыками
Ощетинилась гроза —
И наполнились слезами
Окон синие глаза.

Каждый стебель,
Каждый лист
Влагой свежей
Налились.

А когда на туче сивой
Унеслась гроза на юг,
С удивительною силой
Рассиялось солнце вдруг.

И, заткнув за пояс книжки,
Разбегаясь по домам,
Ловко прыгали мальчишки
Босиком по облакам!

УТРО

Пчела
Мой сон оборвала.
Влетела — форточка открыта —
И загудела у стекла
Недоумённо и сердито.
Я встал.
Не даст ведь все равно
Уснуть, подумал я со злостью,
И, настезь распахнув окно,
Прогнал непрошенную гостью.
А было пять часов утра,
Пора
Разминки петушиной.
Блистало облако-гора
Могучей снежною вершиной.
И ветка.
Как ни сторонись я,
Поглядывая на часы,
Ко мне протягивала листья —
Ладони, полные росы.
Как будто это
В ливне света,
С востока бьющего стеной,
В окно тянулась вся планета,
Чтоб поздороваться со мной!
И я уже в росе шагаю,

И помыслы мои чисты.
Шагаю — будто бы сжигаю
За прошлой ночью все мосты.
Дышу туманом,
Тишиною,
Знобящим птичьим холодком
И наклоняюсь над пчелою,
Как будто бью пчеле челом.
Она гудит себе, летая,
Веселым солнцем залита,
А я кричу ей:
— Золотая!
Ко мне почаще залетай!

***

К вершинам утро прикасалось,
И тени таяли, тихи.
А мне казалось, мне казалось.
Что рядом шепчутся стихи.

Что здесь они, не дальше шагу,
И, волю дав карандашу,
Я нанижу их на бумагу,
Исчезнуть им не разрешу.

Перо победно нависало,
Перо кричало мне: — Пора!
Но ускользала, ускользала
Добыча с кончика пера!

Решил за книгой выждать сроки.
Мол, подождут — и будет прок.
Но ненаписанные строки
Стояли между книжных строк.

Знакомым взглядываясь в лица,
Вникая в их житьё-бытьё,
Гадал я:
Где оно таится,
Стихотворение моё?

Лес оглушил меня цветами,
У елей зной стекал с ресниц.

Но за деревьями витали
Не птицы — рифмы вместо птиц.

И вновь я гнался за стихами,
Вот-вот схвачу их!
Но они
Водой меж пальцев протекали
Сиянью звёздному сродни.

Меня отчаянье томило.
В круженье встреч, и трав, и слов
День проходил, как поезд, мимо,
Непроницаемо суров.

А ночью, словно заверенье,
Что только я всему виной,
Приснилось мне стихотворенье,
Так и не найденное мной...

«ПОВОРОТЫ СВЕТА»

К. Ваншенкину

В горчинке, в легкой их кислинке —
Костров далёких дым.
И солнца гаснущие слитки
Раскиданы по ним.

В них медлит северное лето.
И нет его нежней
В лукавых поворотах света,
В скольжении теней.

Дыханье дальних захолустий,
Где щебет у стрехи,
Приносит легкий привкус грусти
В закаты и в стихи.

Листаю книгу — будто снова
Мне восемнадцать лет,
И я средь сумрака лесного
Отыскиваю след.

Здесь, на кордоне под рябиной,
Желанен гость всегда.

Достанут браги жбан старинный
Из погреба, со льда.

Закат в саду по желтым ульям
Скользит, глубокий и ал.
И полон скошенным июлем
До крыши сеновал.

Здесь на ноги меня с рассветом
Поднимут петухи.
Светло и горько пахнут летом
Негромкие стихи.

ОСЕНЬ

Повея кругом глазами —
Солнце, синь и тишина.
Золотыми огоньками
Тишина подожжена.
Кружатся вперегонки
Желтых листьев огоньки.
Поздним солнышком согрета,
Даль сквозит голубизной.
За семью замками где-то
Заперт ветер озорной.
Держит осень на запоре
Супостата своего,
Потому что просто горе.
Если выпустить его.
Вмиг поднимет суматоху,
Вихрем листья закружит,
Вмиг растащит всё, что плохо
В кладовых её лежит.
А потом в глубоких впадинах
Спрячет мелочь листьев краденых.
Пусть он сам сидит во впадине,
Так ему и надо, жадине!

ПЕРЕЦВЕТ

Тогда была такая осень —
Вся золотая иссиня!
Казалось, осень эту вовсе

Сменять не думает зима.

Октябрь, ко лбу приставив руку, —
Уж больно ясный свет лился, —
Насквозь просматривал округу
Через прозрачные леса.

Он будто звал:
— Пойди, утешь их,
Они печальны и чисты...
Но вот на ветках облетевших
Внезапно вспыхнули цветы!

И караваном лебединым,
Спускаясь к берегу реки,
Окутанные легким дымом
Брели черёмух косяки.

Светясь и плача от пожара,
Ненужной нежностью пыля,
Сирень пугалась и дрожала,
Не слыша пения шмеля.

Завидев тоненькое пламя,
Не гаснущее на ветру,
Трясли старухи головами
И бормотали:
— Не к добру!

А что цветам людские речи,
Понятия добра и зла?
Зажглись доверчивые свечи
От запоздалого тепла.

К себе прислушиваясь чутко,
В тычинках пестуя плоды,
Цветы упрямо ждали чуда,
А надо было ждать
беды...

Был вечер солнечным настолько,
Настолько солнечной река —
Никто не видел, что с востока
Плывут слепые облака.

А на рассвете непогода
Уже шумела за дверьми.
Как будто плакала природа
Над неразумными детьми...

2

***

Когда горит и светится страница,
Когда, во власти непонятных чувств,
Я от стола не в силах отстраниться —
Вы слышите? —
Я в двери к вам стучусь!
Я шел впотьмах, отыскивая тропку.
Стыл на ветру, холодном и крутом.
Застенчиво, настойчиво и робко
Стучусь я в первый незнакомый дом.
Прислушайтесь: не ветер хлопнул ставней,
Не гром столкнул над крышей облака,
То встречи ждёт, обещанной и давней,
Моя без вас ненужная строка.
Что там за дверью? Праздник или будни?
Я шёл во тьме, мечтая лишь о том,
Что моя песня лишнею не будет
Ни в горе, ни за праздничным столом.
А песня ждёт...
А тишина всё глуше...
Ночь за окном поголубела чуть.
Пустите, люди!
Отворите души!
Вы слышите? —
Я в души к вам стучусь!

***

Не знаю, отчего,
На вид обыкновенны,
У дома моего
Просвечивают стены!

Я долго строил дом,

Чтоб, не сломав традиций,
Тем домом, как щитом,
От всех отгородиться.

Как панцирь, как броню,
Перед ветрами всеми,
В которой сохраню
Себя от потрясений.

Пророчу или лгу,
Смеюсь, буяню, плачу —
Я нежность и тоску
От глаз чужих упрячу!

Там судит мой закон
Неправого и злого.
Там не замкнут замком
Трепещущего слова!

И вот я у стола,
Один во всей вселенной.
Но словно из стекла
Просвечивают стены!

И мир, прорезав тьму,
Ликуя и стеная,
Гремит в моем дому
За четырьмя стенами!

Тревогу затая,
Быль с выдумкой мешая,
Не знаю, где моя
Беда, а где — чужая.

Быть может, оттого,
Светлы и откровенны,
Просвечивают стены
У дома моего...

УДИВЛЕНИЕ

По утрам глаза открываю,
Отрезая дорогу сну, —
Будто двери я открываю

В неизведанную страну.
И плывет сквозь мои метанья,
Сквозь нелегких раздумий власть
Человек — этот сгусток тайны, —
Весь пульсируя и светясь.
Он продукты несет в авоське
На виду у вселенной всей.
Он, должно быть, не знает вовсе
О таинственности своей.
Но, мерцая от удаленья,
Голубою стоят стеной
Сорок тысяч лет удивленья —
Паруса за его спиной.
...Удивляюсь цветку, явлению,
Речки синему хрусталу.
Даже этому удивленью
Удивляться не устаю.
Знаю я, что оно — богатство,
И жалею душою всей
Не умеющих удивляться
Удивительнейших людей...

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Мы на полянке загорали,
В реке торчали дотемна.
А за лесами, за горами
Давно большая шла война.

Отряд заморышей несильных,
От голода волны синей,
Ловили мы таких же синих,
Почти бесплотных пескарей.

Но мы поблажек не просили.
И вот однажды от реки
К далекой — чуть видна! — осине
Бежим мы наперегонки!

И командир наш рыжий, Саня,
Кричит:
— Дыханье береги!
А как сберечь его, дыханье,
Когда в глазах плывут круги?

И сердце — молотом о ребра,
И голову ломает звон,
И черным вороном недобро
Пошел снижаться небосклон.

Но я, хватая воздух рыбой,
Полуослепший, чуть живой
Бегу, бегу, бегу
  за рыжей,
За непреклонной головой.

И вдруг, неведомо откуда
Возникнув в жаркой тишине,
Как неожиданность, как чудо
Пришло дыхание ко мне.

Пришло, степного ветра легче,
И, опьяняя, как полёт,
Оно мне выпрямило плечи
И вынесло меня вперёд.

Потом мы долго отдыхали,
И понял я сквозь забытьё,
Что это новое дыханье
Наполовину не моё.

Я крепко помню этот случай,
Победу детскую свою.
С тех пор перед любой кручей
Без колебания стою.

Иссякнут силы, затухая,
А цель всё так же далека...
Но тут придет ко мне дыханье,
Как друга верная рука.

Хочу — пусть это безрассудно, —
Когда тропой иду крутой,
Чтоб кто-то яростно и трудно,
Теряя силы, шёл за мной.

И чтоб к нему лихой порою,
Заполняя бытие,
Пришло дыхание второе,

Наполовину и моё!

СКАЗКА

Осенью в синем вечернем пруду
Мальчик ловил золотую звезду.

Возле него на пологий откос
Падали жёлтые листья с берёз.

Тихо качался на глади воды
Свет от единственной ранней звезды.

Мальчик упрямый, устав от погони,
Долго ловил его мокрой ладонью.

Но от ладони — такая беда! —
В тысячи брызг разлеталась звезда!

Улетали и таяли годы.
Мальчик рос, понемногу взрослел.
Петь любил он в любую погоду,
Только грустные песни он пел.

И повсюду, скитаясь бессонно,
Он искал золотые следы
Той — ты помнишь? — в пруду отражённой,
Разлетевшейся в брызги звезды.

Он искал её в чашах таёжных,
На страницах зачитанных книг.
Он к звучанию ветров дорожных,
К холодам и тревогам привык.

Если не было места надежде
И отчаянье в сердце росло —
Зажигалось пред ним, как и прежде,
Той звезды золотое стекло.

Не отвести той кручины рукою,
Не найти ему в мире покоя,
Потому что, простим непоседу,
Он пошел по неверному следу.

Ведь вело его воображенье
Лишь в мечтах по чудесной стране.
Нет у сказки конца. Продолженье
Я однажды увидел во сне.

Странной жизни своей в завершенье
Он постиг, от раздумий седой,
Что ему не догнать отраженья.
И отправился вверх за звездой.

И когда он разбился о скалы,
Что как сталь холодны и тверды,
Люди в сердце его отыскиали
Раскалённый осколок звезды...

СТИХИ О НАТАШЕ РОСТОВОЙ

Ах, Наташа Ростова,
Наташа Ростова!
До чего ты мне нравилась,
Честное слово!
Я влюбленным в тебя приходил на уроки,
Я бродил, как Болконский,
печальный и строгий,
И друзья меня спрашивали некрасиво:
— Что за муха, приятель, тебя укусила?
Я надменно молчал.
Ведь они не видали,
Как под вечер,
у клёнов одних на виду,
Задыхаясь, бежала ко мне на свиданье
Длинноногая девочка в школьном саду!
Как цвели её тёмные в сумерках ленты,
Как она говорила, картавя слегка:
— Вот покрепче себя обхвачу под коленки —
И — держи! — улечу от тебя в облака!
Не шутя говорила она.
Не нарочно,
Потому что была она, как лепесток,
И, пугаясь, придерживал я осторожно
Невесомый, точёный её локоток.
Улетела Наташа.
Куда же?
Туда же,

Не открыть бы обмана.

Встав чуть свет,
Надевают рубашки отглаженные
И выходят на улицы,
Маем встревоженные.

И идут среди нас,
Неожиданно очень важные.
Непривычно подтянутые,
На себя не похожие.

Флаги реют.
От них —
В красных сполохах здания.
Духовые оркестры
Диктуют колоннам шаги.
И под праздничный гром
Вспоминают маевки давние
Незаметные в общем строю старики.

Им уже не угнаться за маршевым шагом.
Нас они догоняют, смешно семеня,
Но такое упорство есть в шаге их шатком.
Что волненье охватывает меня!

Им, наверное, кажется:
Молодо-зелено!
И они потихоньку ворчат,
Ковыляя в тени.
Им, наверное, нравится
солнечное поколение,
Для которого Май добывали в сраженьях они!

А вернувшись домой,
Отдыхают они —
Утомились.
Пьют подолгу чай,
На коленях качают внучат,
И ложатся в постель —
Что-то сердце опять расшалилось, —
И молчат...

***

Лепечет полуночная струя
В Днестре, в Дунае, в Припяти и в Буге.
Спит армия моя, раскинув руки,
Глубоким сном спит армия моя!

Не медли, бей тревогу, часовой!
Но дремлет он, винтовку обнимая.
Сейчас он,
ничего не понимая,
С пробитой покачнётся головой.

Спит командир его на Колыме —
Там многие комдивы и комбриги,
И ромбы их — тяжёлые улики
Надёжно схоронили их во тьме.

Тяжёл их сон.
Непрочно забытьё.
О, лучше бы им век не просыпаться!
Им среди живых уже не прописаться,
Бойцов уснувших не поднять в ружьё.

А над границей голубеет мгла.
Перед рассветом тишина всё глуше,
Свисают бомб чудовищные груши
С прорезавшего облако крыла.

А я кричу.
В беспамятстве спешу.
Но глух мой голос,
И беспечны парки,
И спят в казармах стриженные парни,
Которых я уже не разбужу...

Вот часовой.
Упал он вниз лицом.
Как будто землю обнял, умирая.
И понимаю я, что это сон.
И пот холодный я со лба стираю.

***

Кривотолки, кривотолки —
Будто под ноги иголки.

Плохо скрытые смешки,
Как пощечины, тяжки.

Жил в дому — гордился домом.
Был женат — любил жену.
И казался дом весомым,
Слаженным — звено к звену.

В окнах звёзды кружат низко.
Жуть берёт от тишины.
На столе лежит записка
Вместо сына и жены.

Полетели к черту звенья,
И в глазах его резка,
Как у загнанного зверя,
Первобытная тоска.

Из-под ног уходят рельсы,
А для зрителей извне
Интересно, интересно,
Как он корчится в огне.

Так уж водится от века;
Не считаем за беду
Бросить камень в человека,
Улыбаясь на ходу.

А ему, как нож, улыбка.
Он в отчаянье своем
Беззащитен, как улитка,
У которой сломан дом.

...Всё продумала до точки.
Одного недоучла:
Кривотолки, кривотолки
Насмерть бьют из-за угла.

***

Ты теперь от меня далеко-далеко,
Где-то в прошлом, в январской простуженной
вьюге,
Пляшет снег, и ресницы взлетают легко,

И касаются рук моих тонкие руки.

В прошлом всё ещё ярко сверкают огни,
Звонко песни на вечере праздничном льются.
Оттого-то мне эти и дороги дни,
Что они никогда, никогда не вернутся.

Если видишь, что часто гляжу я с тоской,
Не тревожься: ведь сразу не удержишь разбега.
Ты теперь от меня далеко-далеко,
Где-то там, в тихой пляске вечернего снега...

***

Не о любви...
Не о тоске...
Не о сердечной жали...
Как было холодно в Москве,
Когда вы уезжали!

А между прочим
Таял снег,
И тормоза визжали
И о любви,
И о весне,
И о сердечной жали.

И в гуще веточек сквозных,
В мерцанье хлопьев снежных
Вот-вот, казалось бы, возник
Смеющийся подснежник.
Но это было внешне.

На самом деле был мороз
С огромным белым ликом.
Он цепенел, искрился, рос.
Он шел татарским игом.

И птицы,
В свет, и высоту,
И доброту поверив,
К земле срывались налету —
Комочки мёртвых перьев.

Я брал их.
Грел их в рукаве,
Они не оживали.
Так было холодно в Москве,
Когда вы уезжали...

КОНЬ

Как он шёл, подлец!
Как он шёл!
Как заря по нему стекала!
Бронзовела
                                  с отливом в шёлк
Шея, выгнутая лекалом.

Как сверкала дуга на нём
С бубенцом из весёлой стали!
По шоссе проливным дождём
Ноги тонкие грохотали.

Неприступный! —
Попробуй тронь! —
Статью хвастая незнакомо,
Подлетал к сельсовету конь
Представителя из райкома.

В сельсовете скрипела дверь.
И, столкнувшись с недобрим взглядом,
Бормотали:
— Ну, чистый зверь. —
Мужики, дымя самосадам,

Будто глазом кого ища,
Конь дышал и легко, и сыто.
А деревня была нища,
Голодна была и сердита.

С опечалившихся дворов
За бесценок —
За куль ячменной —
Уводил на базар коров
Год тот первый послевоенный.

На подъёме застряв крутом,

Как пилуля, лекарственным,
Как подушка, удобным.

Состраданием мучая,
Осмелев понемножку,
Он подпустит при случае
Ядовитую нотку.

Проживет он, не буйствуя,
Не борясь и не строя,
В равной мере сочувствуя
Подлецу и герою.

Пусть он даже заплачет!
Он и плачет, как прячет
Под единою полостью
Равнодушие с подлостью!

СТИХИ О СЛОВАХ

1.
Слова, как ласточки сновали,
Неощутимы и легки...
Меня сбивали с ног словами,
Похожими на кулаки.

А я вставал и падал снова.
Но, не считая синяков,
Я верил в добрую основу
Всех на земле живущих слов.

2.
В чаше слов,
Проламывая след свой,
Не могу отречься от наследства.

Далеко ушел от нас Державин,
Но клинок державный не заржавлен!

Светлый сон о будущем взлелеяв,
Не таясь, не опуская взор,
С эшафота
Яростный Рылеев
Продолжает с нами разговор!

Ярлыки чехлами нахлобучив
На летящий по столетьям свет,
Говорят, что старомоден Тютчев,
Что улыбку вызывает Фет.

Гром утих.
И выцвела бумага.
Но томит недоуменье вновь;
Разве может устареть отвага?
Ненависть?
Отчаянье?
Любовь?

Сохнет лес, до времени увянув.
Тонкая ломается трава.
Что-то много развелось иванов,
Кровного не помнящих родства.

Точен их расчет.
Сужденья метки.
Имена известны по стране...
Но и в поэтической разведке
Страшно быть с таким наедине.

3.
В той старинной стари,
Где гудки да свирели.
Помирали цари,
Терема их старели.
А еще до орды,
До коварного хана.
Много сплыло воды.
Много было беды —
Брань в полях не стихала.

Там навеки замолк —
Ливнем стрел доконали —
Славный Игорев полк
На реке на Каяле.

Знает сыч на суку,
Как там звать-величать их...
Только был в том полку
Примечательный ратник.

Болью досыта пьян,
Синь в глазах поседела.
Мимо свистнул аркан,
И стрела не задела.

Вот он гусли берёт
С круглым ликом перунным,
Вот выходит вперёд,
Ударяя по струнам.

И вершат колдовство, —
Чудный выпал им жребий, —
Десять пальцев его —
Десять соколов в небе.

Смолкли колокола,
Тихо, как перед боем.
Только страшная мгла
Заклубилась над полем.

Пригорюнился лес,
Совы крылья простёрли.
И споткнулся певец —
Слёзы дрогнули в горле.

И неведомый свет!
Что в нем: радость ли, грусть ли?
Через тысячу лет
Прозвенят эти гусли!

Ни травинушки нет
Над могилой сырою...
Через тысячу лет
Мать оплачет героя.

Мы отыщем твой след,
Где стрела запевала!
Через тысячу лет
Выходи, запевала!

С прозвучавших страниц
Веет грозным и давним.
Ну-ка, князь, сторонись —
Не тебя нынче славим!

Не размах твоих плеч,
Не коня удалого —
Славим русскую речь!
Славим Русское Слово!

ДОБРОТА

Как доброта трудолюбива!
У зла и суть и стать не та.
Мир наподобие прилива
Обкатывает доброта.

Она работает неспешно.
Ломая дедовский уклад.
Я огорчается, конечно,
Когда не всё идёт на лад.

Она тогда в платочек плачет
Наивно, горестно, всерьёз.
И, отвернувшись, слёзы прячет
И пудрит покрасневший нос.

Но, не успев покончить с болью,
Ни для кого не заперта,
Она опять готова к бою,
Опять в атаке доброта!

Я шел по свету, как в тумане,
Не видя рядом никого.
Не обделён её вниманьем,
Я не заслуживал его.

Жил кое-как, легко и плохо.
А доброта была со мной.
Но я ещё не слышал вздоха,
Растаявшего за спиной.

Не так-то просто стать умнее,
Себя ломая на бегу.
Я и теперь не всё умею,
Я и теперь не всё могу.

То опущусь,

То поднимаюсь.
Из тьмы — на свет,
Опять во тьму,
Я только знаю, что меняюсь,
И понимаю, почему.

А это прямо и упорно —
Таков характер их крутой —
Во мне все ярче светят зёрна,
Посеянные добротой...

***

Я должен стать самим собою.
Как ни пытаюсь — не могу.
Уйду в тайгу мою соболью,
Мою вчерашнюю тайгу.

Там где-то есть сосна корявая,
Вся бронзовая в синеве.
Там, землю прутиком корябая,
Лежит мальчишка на траве.

Пройду я осенью лесною,
Где паутина льнёт к плащу.
В моем лесу любой ценою
Того мальчишку отыщу.

Я подойду к нему уставший,
Сомненья горькие тая.
И пусть я ровно вдвое старше —
Он — я.
А я уже не я.

Его глаза темны и сини,
Рука спокойна и тверда.
И нет усталости в помине
И горьких складок возле рта.

Ещё и чайть он не чает,
Как грозен мир, опасна ложь.
Он дружески меня встречает
Традиционным:
— Как живёшь?

А как живу?
Такому взгляду
Я не солгу.
И не схитрю.
Я у костра его присяду
И сигарету закурю.

Скажу негромко:
— Помоги мне!
Мы общей связаны судьбой.
Я виноват перед другими,
Но сотни раз — перед тобой.

Ты думал так — я жил иначе.
Уж больно был ты, брат, горяч,
Предвидя в будущем удачи
И не предвидя неудач.

Тебя винить не стану с ходу.
За что винить?
Ведь я и сам
Тебя растрчивал в угоду
Чужим глазам.
И голосам.

Взамен твоей души —
Послушай!
Слова, я знаю, больно бьют! —
Во мне давно чужие души
Ворочаются и поют.

Скажи!
Я подчинюсь совету!
Поверь, что дальше так нельзя!
Мальчишка курит сигарету
И прячет синие глаза.

А я гляжу.
И проступает
Стол, побледневшее окно.
И тает он,
И лес мой тает,
Но я-то знаю всё равно,
Что где-то есть сосна корявая,

Вся бронзовая в синеве.
Там, землю прутиком корябая,
Лежит мальчишка на траве.

Я всё смогу.
Звезду открою.
Сложу легенду о весне!
Лишь только был бы он со мною,
Лишь только был бы он во мне...

***

Что такое со мной, что такое...
Или годы стучатся сильнее?
Снятся кони мне, снятся мне кони.
Как засну — так увижу коней.

Кони рыжими чёлками машут,
Ночь росой и хрустом полна,
И кукушка кричит, и маячит
Над конями большая луна.

Я в трамвае грохочущем еду,
Пыль глотаю и гарью дышу,
Я ночную задумчивость эту,
Как травинку, с собою ношу.

В карусели дневной, за делами,
Вспоминать вроде некогда мне,
Что на дальней июльской поляне
Бродит конь по колёно в луне.

Но и всё же, как спутник в дороге,
Ходит вслед, от меня ни на шаг,
Ощущение смутной тревоги,
Что живу я не там...
И не так...

***

Любя и не любя,
Не веря или веря,
Не прячьтесь от себя

Ни за какие двери!

Везде:

в семье,
в толпе,
в печали и в обиде —

На исповедь к себе
Бестрепетно идите!

Схитрите вы с трудом,
Все будет шито-крыто,
Но станет шатким дом,
И ненадёжной — крыша.

Неслышная вначале,
Обманутая боль
Ночами — да, ночами! —
Навяжет ближний бой.

И нежность станет сниться,
Забытая давно,
Доверчивою птицей
Влетая к вам в окно.

Замкнётся горький круг,
И не найти исхода,
И упадёт из рук
Любимая работа.

Себе ж глаза слепя
И, как врагу, не веря,
Не прячьтесь от себя
Ни за какие двери!

***

Свет к закату,
День к порогу,
На реке — вечерний дым.
— День прошел, и слава Богу, —
Засыпая, говорим.

Говорим, не дав отчёта
В ослеплении своём,
Потому что ждём чего-то,

Каждый день чего-то ждём.

Ждём погоды, воскресенья,
Нетерпением полны,
Ждём везенья и веселья,
Лета, осени, весны.

Безрассудно полагаем,
Что конца дороге нет,
Будто мы располагаем
Доброй тысячею лет.

И, старея понемногу,
Всё твердим не раз, не два:
— День прошел, и слава Богу, —
Эти вечные слова.

Всё давно уж по-другому,
Дней всё меньше впереди.
Я готов кричать любому:
— Погоди! Не уходи!

Но, мерцаньем снов крылатых
Обступившая меня,
Ночь легко сминает в лапах
Хрупкий колокольчик дня.

Я, конечно, понимаю,
Что не десять дней на дню.
Я с души его снимаю —
Словно друга хороню.

Но, предчувствуя дорогу,
Веря в новую зарю, —
— День прошел, и слава Богу! —
Засыпая, говорю...

СУМЕРКИ

Спит у дома дерево-олень,
Вихри улеглись на берегу.
Может, позабыл дорогу день?
Может, ночь запуталась в снегу?

День забыл о времени своём,
Или ночь до срока началась, —
Но теперь стоят они вдвоём,
Не ругаясь,
За руки держась.

На ветвях голубоватый мех,
Сумрак в шаль пушистую одет.
Или свет окрашивает снег?
Или снег рассеивает свет?

Незаметно день уходит прочь.
Но на гладкой снежной простыне
Будут искры вспыхивать всю ночь,
Словно память об ушедшем дне.

3

СТИХИ О КУЛУНДЕ

Я был новичок желторотый,
Других новичков не смелей,
В отчаянном взводе пехоты,
Веселой царицы полей.

Учился я, глядя на старших,
Простую их слушая речь,
В ночных неожиданных маршах
Расчётливо силы беречь.

Нам часто играли тревоги,
Чтоб страха не знали в бою.
Дороги, дороги, дороги
Легли через юность мою.

Упав на привале устало,
Дивился я будто во сне,
Как белая соль выступала
На тёмном защитном сукне.

Блаженная горечь махорки...
Подъем! —
И я снова встаю,

И снова плывут гимнастерки.
Качаясь в походном строю.

И не было дружбы весомей,
И вряд ли случится когда,
Чем эта, скреплённая солью,
Горчайшею солью труда!

А поезд навстречу рассвету
Гремит сквозь туманную сонь...
С чего вдруг припомнил я эту
Солдатскую горькую соль?

Качая высокие стебли,
Туманом в низинах пыля,
Бегут вслед за поездом степи —
Защитного цвета поля.

Хлебов поднимая массивы,
Лугами ложась под стада,
Она напрягает все силы —
Степная страна — Кулунда.

Земля ни на миг не стихает,
Ни днём, ни в полуночной мгле,
И белая соль выступает
На дымной от пота земле.

Воспитан в суровой пехоте,
Где поровну хлеб и вода,
Желаю, как другу в походе,
Удачи тебе,
Кулунда!

ЛОПУХИ

А вы на Сахалин не заходили?
Какие лопухи на Сахалине!

И что бы мне о сходствах ни внушали
Маститые сравнений знатоки,
Зелёными слоновьими ушами
Над островом висели лопухи.

Проклятое течение Ойясиу:
Ни дуба, ни берёзки, ни ольхи,
И всю свою нетронутую силу
Земля переливала я лопухи.

Теперь я знаю:
Там земля что надо!
Но, всё солнцелюбивое глуша,
То дождь рядил, то налетал торнадо,
Свирепостью и холодом дыша.

Прочтут стихи — и скажут:
— Чепуха!
Что может быть ненужней лопуха?

Подобной темы, автор, не касайся.
Ну что лопух?
О лопухах молчок!
Но был у нас в полку ефрейтор Зайцев.
Внимательный рязанский мужичок.

Я в жизни парня не встречал упорней.
С рассветом за казарму семеня,
У лопухов откапывал он корни,
Завертывал в бумажки семена.

А мы кривили судорожно лица
И не могли веселье скрыть свое.
Когда он бормотал:
— Земля, земля,..
В Рязань бы к нам, под солнышко её...

У быстрой речки он сажал картошку,
С нее всё лето не сводил глаза.
Но — к ликованью нашему — немножко
Отважный шаг ему не удался.

На зайцевской полоске у реки той
Ботва моталась по ветру раkitой,
Но к осени была сама картошка
Не более зелёного горошка.

У нас от смеха уши опухали
Но, всех нас до упаду веселя,
Он снова колдовал над лопухами

И бормотал:
— Отличная земля!

Солдату службой точный срок даётся.
Нехитрый скарб на плечи — и пошли
Я шел в строю и думал: он вернётся,
На эту землю трудную вернётся,
Он, если надо, сам в нее ввернётся.
Чтоб выведать секреты у земли!

Всё это было десять лет назад.
Я радио включаю в день весенний —
Там говорят про гигантизм растений,
Про сахалинский климат говорят.

Возможность есть блестящая отныне —
Доказывают мудрые труды —
На славном лопухами Сахалине
Выращивать гигантские плоды.

Наш Зайцев...
Говорил он, спотыкаясь:
Учился мало — сколько довелось.
Но я любым ручательством ручаюсь:
Тут без него никак не обошлось!

Без рук его, корявых и тяжёлых,
Без трудных троп — он всё-таки прошёл их.
Без низких сахалинских облаков,
Без ни на что не годных лопухов...

***

Уходит день. Прилив ещё не начат.
Перекричав шум ветра и дождя,
На скалах чайки мокрые судачат,
Отчаянье и жалость наводя.

Судам за мысом не уйти от качки.
Л там, где берег выгнулся в дугу,
Как встарь, глядят из-под руки рыбачки,
Лицом к закату встав на берегу.

Там, в море, где потеряны дороги,

Вновь штормовая дымка завилась.
Как памятники горю и тревоге,
Стоят они у скал, не шевелясь.

А ветер круто свирепеет свежий,
И туч летящих потемнела сталь.
У всех задетых штормом побережий
Стоят рыбачки, вглядываясь в даль.

Когда-нибудь, когда придётся туго
И грянет буря, спутав все дела,
Я захочу, чтоб и меня подруга
С такой же верой страстную ждала!

***

Здесь ветер с моря пахнет рыбой
И свежестиранным бельём.
...А мы с тобой прожить могли бы
На этом острове вдвоём?

Бродить по сопкам низким этим,
Валяться в реденькой тени
И знать, что никого не встретим,
Что мы на острове одни.

Глядеть на волны в мыльной пене,
Скучать, рыбачить по утрам
Да слушать в раковинах пенье
Далеких неизвестных стран.

Мы знаем горький вкус разлуки,
Прохладу ссор и радость встреч.
...От одиночества и скуки
Смогли б мы нежность уберечь?

***

Ничто мне не радует взгляда —
Ни танец огней на воде.
Ни трепет китайского сада
В тяжёлом и ровном дожде.

Ни берега дымчатый очерк —

Прилив его илом занёс,
Ни тонкий стремительный почерк
С прикола сорвавшихся звёзд.

Ни ландышей мокрых ладоши,
Открывшихся, ветром дыша.
О самой родной, о хорошей
Опять загрустила душа.

4

ВСТРЕЧА С ПУШКИНЫМ

*По сторонам дороги стояли высокие
осенние леса. Казалось, автобус катится в
просторном жёлтом туннеле, полном
солнечного света и медленно падающих на
дорогу листьев.*

*Потом леса резко убежали в стороны,
будто кто-то раздвинул на окне шторку. Я
увидел маленькие деревни с почерневшими от
времени и дождей избами, увидел
медленные синие реки, увидел далекие
облетающие леса.*

*Надо всем этим стояло неподвижное об-
лако. Из него падали на землю огромные
светящиеся столбы.*

Это были ворота в пушкинскую страну.

ПСКОВ

В Пскове узкие окна-бойницы,
Неприступные стены Кремля.
Ничего-то он, Псков, не боится.
Он — твой сторож, родная земля!

Похваляется Новгород славой.
Только Псков не печалится:
— Пусть!
Я воитель, я тоже не слабый,

Верный пёс твой, великая Русь.

Подмастерье, и пахарь, и воин,
Я гляжу через прорези плит.
Что поделать? На то и построен,
Чтобы быть для России, как щит.

Кабаки мои стонут нетрезво,
Как и все кабаки на Руси.
Только ты голытьбою не брезгуй,
Лучше чару вина поднеси!

Неумытых моих, непригожих,
Коль облают — прости, не со зла,
Ты бродяг, ты калик переходжих
Расспроси про былые дела.

Ходит Пушкин вдоль речки Великой,
Где базарная давка и крик,
Подпевает весёлым каликам,
Ловит пьяные речи расстриг.

Пляшет девка в платке кумачовом,
И закат над Кремлём кумачов.
Похвалялась ты, Русь, Пугачёвым.
Только где же он, твой Пугачёв?

То ли снег, то ли дождичек с неба.
Дымом пахнет, и ветер суров.
И в душе, как трава из-под снега,
Смутно брезжит «Борис Годунов»...

***

Едва ли стало бы известно, —
Лишь с этим именем в связи, —
О юной, взбалмошной, прелестной
И легкомысленной Зизи.

И Керн, красавица с надломом.
Загадка, грустная звезда,
Была бы звуком незнакомым,
Черкнувшим воздух без следа.

Всё пело под его рукою —
Набросок, шутка, мадригал.
Слегка касался он строкою
И на бессмертье обрекал.

А сколько б мы беднее были
Без них, властительных на час,
Без них, что так его любили
И так прощали, разлучась.

В лесной глуши и в блеске света,
Куда б ни забредал поэт,
Бросавших щедро на поэта
Высокой женственности свет...

СВЯТКИ

Ах, святки, святки, святки!
Со святок взятки гладки!

Летят с обрыва санки.
В них вроде медвежат
Румяные, как сайки,
Хохочут и визжат.

Стремглав, напропалую,
В сугроб на всём бегу!
Кого он там целует,
Барахтаясь в снегу?

Кто в деревенской шубке
Бредёт среди рябин?
И поджигает губки
Ревнивая Алин.

Но вот — прощай, потеха!
От снега и от смеха
Он, щурясь на ветру, —
К бумаге и перу.

В нем кровь гудит упруго,
Торопится рука.
И строки — друг на друга,
На край черновика.

А вечер, в стёклах тлея,
Сугробы подсиня.
Холстами стелет тени
От святочного дня.

Прилечь?
Или не стоит?
Но лишь глаза закроет —
Река. За нею — поле.
За полем — лес.
А за...
Калашниковой Оленьки
Вспыхнувшие глаза.

ОЛЕНЬКА

Смуглянка, веточка, дикарка,
Сама мечтательность и тишь...
Зачем стеснительно и жарко
Ты на него глядишь?

Зачем ты так ночами плачешь,
В колени прячешь мокрый нос?
Какой ценою ты заплатишь
За счастье этих первых слёз?

Горит свеча в простывшей бане,
Сиянье зыбкое струя.
Трясётся и скрипит зубами
Над картами ворожея.

Она беспamięтно бормочет, —
Пойми, где правда, а где ложь, -
Она что хочешь напророчит,
Лишь только денежку положь...

Твоя испуганная тайна —
Восторг и слезы, свет и тьма.
Зачем, дружок, тебе гаданье,
Когда ты знаешь всё сама?

Подняться с лавки, дверью хлопнуть,
Остановиться под луной...

Всех отстрадавших женщин опыт
Заговорил в тебе одной.

Перед тобой, как на ладони,
Просвечивая с снежной мгле, —
Боль одинокой женской доли
С недобрим шёпотом в селе.

Родни тяжёлые пощёлки,
Усмешки мстительных невест...
Как понесёшь ты свой высокий,
Прекрасный свой и горький крест?

Над Соротью свежо и звёздно.
Звучат знакомые шаги.
Остановись! Ещё не поздно!
Засмейся, вспыхни, убеги!

Неужто выбрана дорога?
Глядишь внимательно и строго.
И шаль, как в звёздочках, в снегу...
— Не бойся, — шепчешь, — не сбегу...

ГОВОРЯТ ДЕКАБРИСТЫ

Сквозь дымку песен и сказаний
В глаза взгляните нам, в глаза!
Мы что, по-вашему, не знали,
Что уничтожит нас гроза?

Что хмель свободы, хмель отваги
Нас не спасёт, не охранит.
Что наши тоненькие шпаги —
Соломинками о гранит?

Смешно, что мы не знали страху.
Страх-колокол гудел в груди.
Но кто-то должен лечь на плаху.
Чтоб свет забрезжил впереди!

Сиял нам смутно, как во сне,
Кандалный путь от ямы к яме
По нищей, жёлтыми ремнями
Крест-накрест стянутой стране.

Её в поклон веками гнули
Пред блеском царского венца.
Но кто-то должен стать под пули,
Чтоб гневом вспыхнули сердца!

Сквозь всё пройдя, всего отведав.
Почуяв гибельную дрожь,
Мы берегли своих поэтов.
Да разве их убережешь?

***

Непроезжими местами,
Где сугробы да горбы,
Кони мордами мотали,
Подымались на дыбы.

Кони бились и храпели,
И кусали удила,
И дымились в серой пене
Их горячие тела.

Волчья свадьба на опушке,
Да назад не повернуть:
На возке убитый Пушкин
Свой последний держит путь.

Эй, ямщик!
Крута дорога!
Не обрыв ли впереди?
Поминай почаще Бога.
За дорогою следи!

А ямщик глядит невинно,
Снегом доверху одет:
— В поле бес нас водит, видно...
Ехать, барин, мочи нет.

Экий снег! Не снег, а демон!
Не видать ни вдаль, ни вширь.
Разберись попробуй, где он —
Святогорский монастырь.

Вот послушай, барин. Эва!
Чай, со всех звенит сторон...
Справа, спереди и слева
Колокольный слабый звон.

Бой летит, коней тревожа,
Всё в сплошную мглу слилось.
— Я бросаю, барин, вожжи.
Кони вывезут, небось.

И возок плетётся шагом
По буграм да по оврагам,
По заносам, без дорог.
Дремлют кучер и седок.

Чудный сон обоим снится.
Ночь темней и снег лютей.
Молчаливый встал возница,
Молча гонит лошадей.

И уже не снег летучий
Завился вокруг саней, —
Мчатся тучи, вьются тучи
Под копытами коней!

Мгла висит вокруг завесой,
Но коням преграды нет.
Торжествующие бесы
Ухмыляются вослед.

Разыгралась свора злая!
Сколько их!
Как в чаше дров!
Вон — с усмешкой Николая.
Вон — поодаль — Бенкендорф.

Вон как будто сталь мелькнула
Через вьюгу, через лес,
Вперехват наводит дуло
Иностранный бес
Дантес.

Что, возница, зазевался?
Иль не видишь пистолет?
Выстрел грянул.

Оборвался.
Может, сон,
А может, нет.

И глядят, очнувшись, оба.
Кони стали у сугроба.
И сказал ямщик устало:
— Матерь Божья помогла:
Путь-дорогу показала
До Тригорского села...

***

Тригорское в замети снежной —
Деревья, тропинки, пруды.
Здесь музы, печальной и нежной,
Ещё не остыли следы.

Здесь голос твой где-то затерян,
Давно ль он а садах не стихал?
Здесь не было счёту затеям
И не было счёту стихам.

Дивились дворовые жёнки,
Расплющив носы о стекло,
Как пламя студенческой жжёнки
Над пуншевой чашей цвело.

Сердились: застольные песни
Им снова уснуть не дают
Тригорское...
Пушкин!
Не здесь ли
Единственный сердца приют?

Из сада ты прыгал в окошко.
Глаза горячи и темны.
И девушки были немножко
Все сразу
В тебя влюблены.

Они выбегали в потемки
К скамье, что стоит на краю
(Теперь называют потомки

Онегинской эту скамью).

Глядели с волнением сладким
Туда, где закат не погас:
Не скачет ли всадник в крылатке
Зачинщик весёлых проказ?

Ах, Пушкин!
Как странно и жутко
Поёт непогода окрест!
Какая нелепая шутка —
Твой этот последний приезд!

Метельные вихри косые
Саней зализали следы,
И кажется: нет над Россией —
Над всей! —
Ни огня, ни звезды...